

Нэг Николсон

Лавка хрупкостей

Нэд Николсон
Лавка хрупкостей

«Автор»

2026

Николсон Н.

Лавка хрупкостей / Н. Николсон — «Автор», 2026

Я — начинающий писатель, чья жизнь рухнула в один миг. Выпущенный роман назвали графоманским, редкие друзья отвернулись, а издательства захлопнули двери. Единственное объяснение происходящему — проклятие. Отчаявшись, я отправляюсь в запретное место — туда, где таятся городские легенды. В местечке под названием «Лавка хрупкостей» я надеюсь сдать свой проклятый эмоциональный багаж, все эти пороки, чтобы обменять их на что-нибудь ценное. Но обмен оказывается несправедливым. Взамен проклятий я получаю добродетели — хрупкие и болезненные, носить которые тяжелее, чем пороки. Этот бартер сделал меня неуютной аномалией, и тайная Комиссия Обскур начала за мной охоту. Впереди — опасное психологическое приключение, полное внутренних откровений и сложных решений. «Лавка хрупкостей» — это киберпанк-притча о творческом кризисе, бегстве от проблем и победе над заблуждениями. Это история о существах, полных волнений, грёз и противоречий. Это история о нас.

© Николсон Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отчаянные меры, поезд в никуда и багаж проклятий	5
Глава 2. Призрачный свет, розовая крышка и капюшон без лица	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лавка хрупкостей

Глава 1. Отчаянные меры, поезд в никуда и багаж проклятий

Состав монорельса нес меня через пыльную пустошь. Я давил лбом холодное стекло, горя о незавидной судьбе. Вдалеке по обе стороны от вагона возвышались мегапилоны Корпораций с пологими инфраструктурными террасами вокруг самых оснований. За ними виднелись силуэты таких же колоссальных башен, подернутых пурпурной вуалью раннего заката. И так до самого горизонта и дальше, по всей поверхности планеты, которую жители звали просто Городом.

Я ехал в пустом вагоне в место, которого нет. Некогда я был успешным писателем, а затем оказался проклят. Стоило мне дописать свой первый и единственный роман, свой величайший труд, как все пошло наперекосяк. От меня отвернулись друзья и знакомые. Литературное сообщество назвало меня графоманом, а от романа отказались даже захудалые издательства нижних ярусов мегапилонна, в котором я жил и которому посвятил эту книгу. Я вдруг стал никому не нужным ничтожеством.

Но я все еще писатель, и я уверен, что автор должен писать лишь о том, что знает. Иначе это не литература, а лишь детские выдумки. Я люблю свою Корпорацию и свой мегапилон. Я изучил его весь, вдоль и поперек. Я написал обо всех трещинках в его многокилометровых биобитонных стенах. О каждом сегменте прохудившейся изоляции на вентиляционных магистралах. Обозрел все кафе и кинопрокаты. Побывал в каждом пыльном закоулке и изучил все граффити на мусорных контейнерах. Упомянул даже странных, ускользающих от взгляда существ, что обитают под эстакадами подсобных коридоров. Я написал обо всем, что знал и что было важно для меня.

Больше четырех тысяч страниц захватывающего и остроумного документального чтива о самом лучшем мегапилоне, построенном самой лучшей Корпорацией! Но в эпоху великих галактических открытий моя книга оказалась никому не нужна. Что же это, если не проклятие?

В планетарном интернете есть сумеречная область, которую не контролирует ни одна из Корпораций. В этой зоне, вместе со всяким сбродом, обитает некое литературное сообщество, именующее себя «Городские сумасшедшие». Я с бесконечным отвращением читал их опусы и скабрзные заметки о Городе. У меня просто не было иного выбора. Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Эти «сумасшедшие» публикуют статьи о криптидах, живущих на берегах подземных болот, образовавшихся после затопленных выработок полезных ископаемых. Пишут статейки, порочащие методы какого-то тайного подразделения, образованного внутри нашей славной Комиссии Порядка. Вдумайтесь только, они выдумали некую Комиссию Обскур, которая похищает порядочных граждан, наших с вами соседей! И все для того, чтобы устранить очевидцев, столкнувшихся с какими-то аномалиями.

А еще они строчат в блогах невразумительные туристические заметки о местах, которых в Городе попросту не существует. Об этих «достопримечательностях» никогда не слышали ни в одном из тысяч мегапилонов, ни в промышленных зонах на поверхности планеты, ни в глубинных фабриках. И я вынужденно направляюсь в одно из таких фантастических мест. Кажется, я схожу с ума от горя и безысходности.

Конспирологи «Городских сумасшедших» утверждают, что у Города есть центр. То самое место, с которого началось заселение этой планеты. На основе исследований каких-то тайных архивов они выяснили, что много тысячелетий назад на этой планете существовал лишь аван-

пост первых поселенцев. Он был обнесен высокой бетонной стеной, которая защищала жителей от опасностей дикой природы. Спустя века молодые Корпорации взяли этот мир под свое покровительство, начали строить мегапилоны, превратив планету в столицу могучего межзвездного человечества. Славной галактической корпоратократии!

Согласно легендам, наверняка сочиненным самими же «Городскими сумасшедшими», город разрастался так быстро, что наслои́лся сам на себя. Покры́л собой всю планету и уткнулся в ту же самую стену, ограждавшую его от внешних угроз. Сооружение выстояло, остановив последнюю и самую могучую напасть. То место стало одновременно центром и границей Города. У «Сумасшедших» нелады с фантазией, поэтому легендарную постройку они так и назвали — Стеной.

Из немногочисленных, но крайне напряженных переписок в сумрачном интернете я узнал, что проклятия реально существуют, а Комиссия Обскур борется с их распространением. Это, конечно же, полный вздор! Никаких проклятий не существует, иначе моя Корпорация давным-давно их устранила. Но я точно нахожусь под влиянием чего-то негативного и крайне зловещего, а потому вынужден считать себя проклятым до тех пор, пока не разберусь в ситуации и не найду более приемлемый термин.

Сначала я хотел отправиться прямиком в Комиссию Порядка и попросить аудиенции у представителя таинственной Комиссией Обскур. Но «Сумасшедшие» отговорили меня, обозвав сумасшедшим. Мне рассказали, что проклятия невозможно снять, такова природа этих феноменов. Проклятия можно лишь переложить. Или обменять на что-то. Следует передать проклятие кому-то или перенаправить на другой объект. Некто под ником «Ф_Хромой» рассказал мне о магазине или мастерской, которая занимается такими деликатными случаями, но требуется личное присутствие пострадавшего. У меня не осталось выбора, пришлось ехать лично.

Я оказался шокирован, после того как нашел в старом навигаторе, приобретенном в комиссионке, остановку монорельса под названием «Стена». На современных устройствах этой точки не существовало, и по актуальным данным туда вовсе не ходил монорельс. Я подумал, что схожу с ума. В моем уютном и понятном мире не было места таким абсурдным нестыковкам. Тем не менее я превозмог паническую атаку, которая чуть не погубила меня, и сел в автоматический поезд, до сих пор блуждающий по этому давным-давно закрытому маршруту.

Кроме меня в составе никого, и это пугает. Но сильнее всего меня пугает нависшее над моей судьбой проклятие. Я везу в саквояже тот самый злополучный роман «Прелести Мегапилона», обернутый для безопасности в наволочку. Мой шедевр и мой величайший позор. Объект моего глубочайшего падения. В той роковой переписке с «Ф_Хромым» я узнал, что проклятия могут распространяться, поэтому я взял с собой и другие предметы, которые, как мне кажется, начали чересчур меня тяготить.

Это сувенирная статуэтка какого-то водного существа. Длинный чешуйчатый хвост, весь в плавниках. Большие печальные глаза навывкате. И руки с тонкими пальцами, сплетенными в какой-то символ. Мои знакомые привезли ее в подарок из дальнего путешествия. Они сказали, что это символ свободы и легкости. Я снимал ее с полки и поглаживал, когда накапывал творческий затык, обещая этому истукану, что скоро отправлюсь в космическое путешествие, чтобы обогатить свой писательский арсенал. Но мне хорошо и тут, дома, в родном мегапилоне любимой Корпорации. А статуэтка просто слушала меня и поддерживала в моменты слабости.

А еще ягодный батончик с давно истекшим сроком годности. Шуршащая, всегда скользкая фольгированная упаковка. Выцветший логотип, стилизованное изображение ягод поясники. Под оберткой лежит купон, который может оказаться билетом на межзвездный круиз. Мог оказаться. Акция давно прошла, и купон, даже выигрышный, не получится использовать. А от батончика теперь можно схлопотать жесточайшее несварение. Я не решаюсь вскрыть этот снэк, опасаясь проиграть или, того хуже, победить, но опоздать. Батончик был моим талисма-

ном, напоминающим об опасности необдуманного риска. Лучше бы я потратил деньги с его покупки на что-то более полезное, а не на мимолетную фантазию.

Со всеми этими проклятиями я с радостью готов расстаться, если тот магазин, куда меня направили, и правда существует. Иначе я в отчаянии брошусь вниз с перрона прямо там, на конечной станции безымянной ветки монорельса, ведущей к легендарной Стене, древнейшему месту Города размером с планету.

Глава 2. Призрачный свет, розовая крышка и капюшон без лица

Я, верно, задремал. Вокруг совсем стемнело, а может, это из-за плотно выдвинувшихся стен. Вагон будто стиснуло меж ними, в сырой, холодной от бетона мгле. Неоновое свечение плазменной балки монорельса, которая давала тягу всему составу, озарило дремучую листву плющей. Буйная растительность ползла вверх по стенам, вправо и влево, цепляясь за стыки циклопических плит стеной кладки, хваталась и душила опоры монорельса.

Я будто оказался в доисторическом городе, поросшем мхами и лозами причудливых форм. Все здесь казалось диким, неухоженным, опасным. За грохотом вагона я не слышал звуков, но готов был спорить, что снаружи щебетали ночные птицы, совсем как в документальных фильмах о природе, что крутили по восемьсот тридцать девятому каналу интертелевидения.

Дернувшись спросонья, я весь напряжился на жестком, неудобном кресле. Спина и шея затекли и ныли. Саквояж, в котором я вез свои проклятия, мирно лежал на коленях. Я подхватил его, сжал крепче и застыл, напрягшись. Через мгновение раздался мелодичный звон, предвещающий о торможении состава. Синтетический голос андрогина заявил, что поезд прибыл на конечную, и имя ей «Стена». Я дождался полной остановки, поднялся, весь кряхтя и морщась, и покинул вагон под бодрое напоминание о необходимости «Не забывать свой эмоциональный багаж на верхней полке». Я даже немного удивился, но не окончательно, все еще не веря, что проснулся.

Снаружи было почти так же темно, как в вагоне. Лишь белый свет двух фонарей на высоких столбах освещал пустынный перрон. Посреди стояла одинокая скамья со стальными подлокотниками и мусорный бачок неподалеку. Свет от фонарей казался каким-то иллюзорным, зеленовато-бледным, как реверсивный след воздушного тягача погожим летним полднем. Почти черная листва бесчисленных лоз щедро покрывала стены вокруг и кое-где наползала даже на перрон. Я отправился вдоль, глухо стуча подошвами, ведомый светом фонарей. На выходе не было ни турникетов, ни будки робоконтроллера, ни даже сканера. Я покинул станцию и оказался на мосту, соединявшем две стены.

Посмотрел налево, потом направо и даже вверх. Стены почти смыкались высоко над моей головой, пропуская внутрь лишь неверное сияние звезд. Тишина и тьма окутали меня, разрежаемые лишь звуками пернатых и каплями воды, стучащими о дно бездны где-то подо мной. Я подошел к бетонной балюстраде и, чуть нагнувшись, глянул вниз. Там, в многометровой глубине, в желтом свете аварийных ламп виднелись силуэты причудливых формаций. Может, грибы или минеральные наросты, точней не разглядеть, а нагибаться ниже я не захотел. Вдруг слева замигал фонарь таким же цветом, как и на перроне. Я, сочтя это за знак, направился, куда позвали.

Преодолев тот мост, я очутился на узкой террасе, уходящей вдоль стены во тьму. Справа путь мне преграждала сетка со значками «Не лезь!». Я двинулся налево, следя глазами за замершим поездом, что привез меня сюда. Нас разделяла широкая пропасть, полная странных шушukaющих звуков. Я шел вдоль высокой стены, не совсем отвесной, но уходящей вверх под чересчур крутым углом, как в основании плотины. Сверху падали, беззвучно приземляясь, сорвавшиеся с лиан листья. Впереди, в бетонном монолите, я увидел загадочные блики.

Добравшись до источника сияния, я обнаружил свою цель. Над пыльной, давно не мытой витриной тускнела обесточенная вывеска. «Лавка хрупкостей», — гласили темные буквы на ней. Я подошел к старомодной двери со стеклянной панелью и, проигнорировав вывеску «Закрыто», дернул ручку. Дверь не поддавалась, как я и ожидал. Оглянувшись к ночи, я ощутил какую-то невероятную пустоту. Депрессия вконец меня доконала. Кажется, пора с ней кончать.

Мне захотелось присесть прямо здесь, на пыльный студёный бетон, а потом, может, взобраться на балюстраду и ухнуть вниз, сведя счеты с этим жестоким миром.

Но перед позорными деяниями я захотел от всей души пнуть тот контейнер, выкрашенный в насыщенный темно-синий цвет. Он расположился рядом со входом в закрытую лавку, потусторонне блестя лакированной розовой крышкой. Я подошел ближе и разобрал надпись рядом над ручкой: «Если мы закрыты, сдайте проклятия сюда». Не веря воцарившейся удаче, я дернул розовую крышку и отправил саквояж целиком в зев контейнера. Сумка была мне больше ни к чему, да и вдруг она тоже пропиталась проклятием, пока хранила в своем чреве опасные предметы. Я с лязгом обрушил крышку обратно на контейнер и развернулся на каблуках, скрипя песчинками нечищенной террасы. Наползшая улыбка мигом обратилась в угрюмую гримасу.

Ничего не изменилось, я вроде до сих пор был проклят. Я обернулся через плечо и пристально взглянул на контейнер. Вдруг была на нем какая-то кнопка или консоль для управления. Ничего, лишь вульгарная розовая крышка и надпись с просьбой сдать проклятие. Я вроде бы ощутил головокружение и легкость, словно помрачение сошло. Нос вдруг зачесался изнутри, и я чихнул. Досадно, просто аллергия на природу. Кажется, лианы пребывали на пике своего цветения. Я двинулся к перрону, тревожась, что поезд вот-вот уйдет обратно без меня.

Возвращаясь тем же путем, я провожал «Лавку хрупкостей» взглядом через бездну, не испытывая ни малейшей благодарности. Вскоре я вступил в зеленоватый свет перрона.

На скамейке кто-то был. Сидел недвижно. Не чесался. Не качался. Даже не читал. Я замер, готовясь к смерти или, хуже, к ограблению. Но вспомнил, как только что сгрузил все ценное в контейнер. Я сделал первый шаг навстречу. Второй. И третий. И приблизился к скамье.

Незнакомец не пошевелился. Но как только я проник в круг зеленого сияния, он поднял голову. Лица я не увидел, его скрывал массивный капюшон из грубой ткани. Слишком большой для головы обычного размера. А может быть, под ним скрывалась экстравагантная прическа, а может даже и не знаю что. Незнакомец приковал меня к перрону одним лишь взглядом своих непостижимых глаз. Я также повиновался, когда он пригласил меня присесть.

Я уселся поудобней, заглянул в вагон, затихший мертвым сном, а потом во тьму необъятного капюшона. Что-то изнутри успокоило меня своей безобидностью, и я сразу же поверил. Незнакомец, предположительно живой, приподнял руки. Из массивных рукавов грубого на вид плаща показались обе кисти. Вполне обычные, если не брать в расчет чрезмерно длинных больших пальцев.

Я опустил глаза и глянул на свои ладони, чтоб убедиться, что пальцы у меня другие. Пошевелил короткими фалангами, ощущая натяжение вспотевшей на ладонях кожи. А потом вернул внимание к соседу. Он раздраженно щелкнул пальцами, приманив мой взгляд к своим рукам. Встряхнув ими, он начал выполнять движения, за ходом коих я старался уследить. Все расплывалось, как в нетрезвом сне, но я упорно наблюдал за пантомимой.

Мой таинственный попутчик, или жилец глубинных недр под мостом, обстоятельно стучал пальцем по запястью. Через равные сегменты он замирал, а затем возобновлял движение, трижды повторяя этот странный ритуал. Затем он сдвинул свой перформанс с места и сделал неопределенный жест куда-то через бездну, которую я недавно огибал, чтобы выбросить проклятия в контейнер. Потом незнакомец поднес кулаки ко тьме капюшона, остановил их на том уровне, где у меня были глаза, несколько раз стремительно разогнул пальцы, то сгибая их, то выбрасывая прочь, будто прогоняя меня.

Я замер в вежливом полуобороте и не перебивал.

Таинственная личность воздела палец к небесам, а затем сжала ладони вместе, завела их над плечом и уложила голову, приняв расслабленный и мирный вид. Замерев на некоторое время, незнакомец стремительно поднялся. Он указал мне на скамью, где я сидел, и чуть

накренился вбок. Затем прошествовал к вагону и развернулся, но уже в дверях. Я вскочил, чтобы проследовать за ним, но незнакомец остановил меня протянутой ладонью, снова заставив сделать так, как он хотел. Вагон весь задрожал, и свет в нем загорелся. Голос из динамиков донес, что поезд сейчас же отправляется. Незнакомец подался назад, и двери стали закрываться. Напоследок он сжал кулаки и оттопырил вверх оба больших пальца. Я наконец обрел контроль над телом и бросился к стеклу двери.

– Я не понимаю язык жестов! – только и сумел возразить я, но монорельс уже двинулся прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.